

ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ ТЕКСТА

ACTIVE-LINGUACULTUROLOGICAL ASPECT OF THE UNDERSTANDING OF A TEXT

РАИСА БОЖЕНКОВА, НАТАЛЬЯ БОЖЕНКОВА

ABSTRACT. In this work modern scientific interpretation of understanding is described from the active-linguacultural point of view. This article presents the process of understanding as a creative work and helps the author to form linguacultural sense of the text. The text is constantly enriched by adding cultural sensible aspects of a man who is reexamining the world of subjects connected with his practical and spiritual mastering.

Раиса Боженкова, Наталья Боженкова, Курский государственный технический университет, Курск – Россия.

Вопрос о сущности и функциях понимания был и остается объектом изучения в различных науках (философии, психологии, герменевтике, этнологии, математике, педагогике, наконец, лингвистике) и имеет неоднозначное и даже разноречивое толкование. Причиной различия объяснительных гипотез и функциональных моделей в специальных науках является латентность процессов понимания.

Так, в лингвистике внешние проявления речепонимания (как и речепроизводства) в виде звучания текстов (устных или письменных) и ответных коммуникативных действий (вербальных, поведенческих), маскирующие внутренние процессы, побуждали исследовательскую мысль к упрощенным объяснениям и созданию моделей, основанных на принципе „стимул – реакция”. Согласно такому подходу речепроизводство – это воплощение готовой мысли в языковую форму (кодирование), а речепонимание – извлечение готовой мысли из текста (декодирование). Кроме того, порождение и понимание текста толковались как зеркально симметричные процедуры, что не соответствует речевой реальности, ибо понимание также носит творческий характер и реализуется в многообразии личностных особенностей.

Перспективы для анализа открылись, когда понимание стало осознаваться в качестве комплексной проблемы, имеющей свои философские, социально-психологические, социально-культурные, историко-научные, лингвистические аспекты. При этом наиболее интересным направлением представляется решение проблемы с деятельностно-лингвокультурологических позиций.

Многие ученые рассматривают понимание как исходный феномен мышления. Именно в понимании выражается участие мышления в регуляции деятельности. Мыслить человек начинает, когда у него появляется потребность что-то понять – эта формула аксиоматична. Способность понимать окружающий мир, других людей и самого себя составляет необходимое условие реализации сущностных сил человека как родового существа. Понять – значит обрести знание. Такое знание, которое отражает суть предмета, языка, текста, соединяет нечто ранее неизвестное с уже известным, превращает разрозненное в систему. Но к этому сущность понимания не сводится: система, в которую включается новое знание, функциональна, действенна. Это система, ориентированная на применение знания, на обращение его в составную часть психологического механизма, регулирующего деятельность человека в соответствии с требованиями практики. Это совокупность сложных психологических процессов динамического характера, имеющих в своей основе разноуровневый анализ на базе ранее накопленных знаний, решение мыслительных задач, выявление закономерностей и последовательностей, запоминание, перенос знания правил, экономных приемов и способов обработки информации на новый материал.

С позиции философии понимание – многоуровневый познавательный процесс, направленный на выявление значения и смысла предмета в процессе коммуникации. Его механизмы связаны с аналитико-синтетической деятельностью сознания, причем доминирующую роль играет акт синтеза смысла, подготовленный предшествующим анализом.

Данные научные послышки важны и для понимания текста, которое имеет особое гносеологическое содержание и собственную операциональную структуру, образуемую соотношением компонентов: текст, контекст (систему внетекстовых указателей, задающих его границы), подтекст (фоновые общекультурные знания, пресуппозиции коммуникантов) и соответствующие познавательные операции. Как вид речевой деятельности понимание прочитанного/сказанного является внутренней стороной этой деятельности. По своим целям и содержанию оно не просто продолжает процесс порождения речи, но является активным ответным действием, направленным на синтез речевого смысла, причем речевое понимание не сводится к суммированию языковых значений¹.

В контексте деятельностно-лингвокультурологического подхода принцип работы указанного механизма состоит в выборе из некоторого пространства возможностей (языковых и культурно-смысловых) соответствующих компо-

¹ Об этом свидетельствует, в частности, парадокс понимания, называемый герменевтическим кругом, суть которого состоит в следующем: если смысл высказывания получается из сложения значений его компонентов, а сами значения могут быть поняты из смысла целого, то образуется формально-логическое противоречие, выход из которого герменевтика видит в интуитивной догадке, сопереживании, непосредственном усмотрении смысла культурного целого.

нений и установлении между ними коррелятивных связей. В общем плане передача культурного смысла коммуникатора к адресату представляется как установление связей между языковым и культурно-смысловым полями сознания субъекта. Движение от культурно-смыслового поля к языковым значениям и правилам будет соответствовать речепроизводству; установление связей в обратном направлении составит сущность речепонимания.

Рамки небольшой статьи не позволяют подробно описать всю глубину и взаимообусловленность механизмов такого сложного явления, как понимание, поэтому остановимся лишь на основных положениях, дающих представление о процессе понимания текста как творческом акте с деятельностно-лингвокультурологических позиций.

1. В речевом акте как единице речевой деятельности совершается полный цикл воспроизводства языка и сознания. При этом культурный смысл не столько передается от одного субъекта к другому, сколько возбуждается, активизируется средствами языка, выступая как обусловленное нормами языка и речи отражение одной и той же лингвокультурной ситуации. Существенно, что само понимание оказывается моментом коммуникативно-познавательного процесса, который со своей стороны включен в формы социокультурной деятельности.

2. Пониманию свойственны три основные функции: когнитивная, или собственно познавательная, регуляторная и идеологическая. Когнитивная функция понимания заключается в том, чтобы обрести определенное представление о языке и тексте и применить его – сделать частью внутреннего мира человека, изменения в котором повлияют на дальнейшую практическую деятельность.

Регуляторная функция, обуславливающая реализацию возможностей человека, в свою очередь, ограничивается ответственностью за их осуществление, так как понимание ставит деятельность в зависимость от социально возможных ее результатов. Данную функцию понимание выполняет превосходно, заметны лишь отклонения от необходимого оптимума.

Наконец, третья, идеологическая функция представляется не менее значимой. Идеи, овладев людьми, обращаются в материальную силу развития. Но идеи вне языкового их выражения не существуют, не могут обрести мощь вне понимания их людьми. Деятельностное понимание – это необходимое условие реализации идей. Необходимое, но не достаточное: идея находит материальное воплощение в деятельности людей, которые осознали связь идей со своими действительными интересами. Осознание этой связи лежит в основе формирования убеждений; понимание порождает убеждения. Такова его идеологическая функция.

Реализация этих функций может происходить в трех автономных когнитивных полях. В первом поле непосредственно и фрагментарно представлены природные условия и социальные ситуации, в которых существует и действует индивид. Во втором поле разворачивается последовательность доказатель-

ных суждений, в третьем – представлены повествовательные последовательности.

В первом поле, что человек ощущает, видит, то считает существующим на самом деле. В абсолютном большинстве случаев доверие к показаниям органов чувств оправдано, хотя нередки ситуации, в которых индивид, увидев маловероятные или явно невероятные вещи, не склонен оценивать их как иллюзии смыслового восприятия. Естественно, что при этой исходной посылке безупречная логическая связность последующих суждений не приводит к истинным выводам.

Второе когнитивное поле доказательных суждений исторически содержит свой набор формализуемых познавательных средств, здесь доминирует установка на логическое постижение истины. Специфика понимания в нем отражена в разнообразных текстах и связана с тем, что не все логически доказательное обязательно существует на самом деле. Несмотря на то, что те или иные тексты этого поля по необходимости отвлечены от реальной действительности, это не значит, что они не ориентированы на понимание действительного мира. Напротив, самые абстрактные рассуждения именно потому и обретают смысл, что могут найти приложение к действительно существующим предметам реального мира: в лингвокультуре овеществляются отношения между людьми, и овеществление это семиотично; формой лингвокультурного значения служит ценность².

Понимание в третьем поле ориентировано на эстетические оценки событий и поступков; его предмет – мир чувств, переживаний, мыслей, ощущений, события и дела человека, научная же достоверность изображаемых событий и их временная последовательность здесь вторичны³. Именно здесь, в третьем поле, с наибольшей полнотой реализует свои возможности естественный язык. Третье поле понимания состоит не из изолированных значений, а занято сложными их переплетениями – текстами.

Для глубинного понимания текста существенны все три поля: в одном поле господствует обращение к действительному миру, в другом – логическое следование и анализ описанных поступков и событий, в третьем – их эмоциональная оценка. Важно, что их связность определяется не исходным набором

² Известен, например, список Лорана: *Бог, Родина, знания, долг, дружба, нежность, жизнь, надежда*. См.: J. L a u r e n, *Lees betties*, Paris 1971, с. 123). Это ценности, которым не место за музейным стеклом, они должны жить в сознании, и приходят они в сознание не только из личного опыта, но и из повествовательных текстов – исторических, фольклорных и художественно-литературных.

³ В одном из педагогических опытов испытуемые студенты слушали и читали повествовательный текст, в содержании которого были нарушены элементарные правила физики. Студенты этого не замечали. Они говорили о мыслях и поступках людей, о том, естественны они или неестественны, хорошо это или плохо, честно или нет. Их высказывания касались содержания и смысла текста, отображающего деятельность людей, их мысли, чувства, судьбы.

аксиом и даже не временной последовательностью, а иной образующей силой – эмоционально-смысловой, которая довольно часто (особенно в текстах третьего поля) приводит к созданию адресатом собственного концепта⁴.

3. Будучи формой духовного освоения мира, понимание тесно увязано с возможностью аналогии между предметной областью и текстами, т.е. с возможностью раскрытия знаково-символических характеристик вещей и событий. Как уже отмечалось, эта возможность реализуется в мире лингвокультуры в виде предметного символизма осваиваемых объектов, выступающих как вещи и как некоторое иносказание, как знаки и как их денотаты, – тем самым предметы лингвокультуры обнаруживают текстовые характеристики, что позволяет реализовать их аналогию с текстами. Текстовое задание (оформление) предметов является продуктом трансформации природных объектов в лингвокультурные⁵. С учетом современных знаний можно сказать, что языковой текст является компонентом этнокультурной реальности, в котором в объективной знаковой форме воплощены продукты прошлой речевой деятельности субъекта, имеющие нормативно-регулятивное и ценностно-ориентационное значение. Отсюда, текст выступает и как необходимое условие этнокультурного устройства социума.

4. Понимание интересубъективно. В обобщенной форме оно выступает как приобщение к историческому опыту людей, к истинным и достоверным основаниям в формах закрепленных лингвокультурой традиций, общения, ценностных ориентаций, норм. Лингвокультура очерчивает пространство пони-

⁴ С целью научных наблюдений студентам читался текст с объявленным концептом (одна из новелл К. Чапека). Затем студенты в соответствии с установкой очень подробно рассказывали содержание. Выяснилось, что они запомнили и то, что не понимали. Так, ни один студент точно не знал, кто такой „шорник”, и почти никто о шорнике не забыл. Но в тексте был дан общий смысл этого слова, сформулированный более или менее кратко и очень точно. Его студенты почти никогда не называли, они называли тот смысл, который приходил в голову им самим, – собственный концепт, а не „настоящий”, объявленный в тексте, который по условиям эксперимента им нужно было воспроизвести. Весьма любопытны эксперименты с повествованиями об исторических событиях. Здесь концепты не объявлялись, и студенты предлагали свои. Вариантов очень много, но все они свидетельствуют о том, что студентам-нефилологам свойственно искать в истории смысл, не только видеть в ней цепь закономерного взаимосвязанных событий, но и извлекать из них урок.

⁵ С лингвокультурологических позиций развивается широкое представление о тексте как о фрагменте информации, организованном в соответствии с определенным этнокультурным кодом, что предполагает возможность перекодирования понимания. Тексты – это типичные феномены лингвокультуры: лишенные сплетения значений, они обращаются в исцарапанную бересту, глиняные квадратики, исклеванные клинописью, листы бумаги с узором, нанесенным типографской краской. Основания для такого сравнения существуют: не понимая иероглифов, иные путешественники прошлого принимали их за орнамент. Латинское *textum* собственно и значило – ‘связь, соединение, даже ткань’.

мания и в том смысле, что содержит багаж очевидностей, который в ту или иную эпоху считается достаточным для обеспечения интерсубъективности герменевтических процессов. Поэтому лингвокультура есть не только воплощение понимания и его объективный результат, но и основная сфера его функционирования, трансляции, реализации. Непонимание же обусловлено субъективными факторами восприятия определенной исторической эпохи и лингвокультуры⁶.

5. Понимание текста связано с воспроизведением общей структуры лингвокультурной ситуации, в рамках которой был создан текст, что предполагает выполнение таких операций, как выделение мобильных элементов постигаемого объекта, взаимодействие которых порождает этот объект – неких образующих его агентов (атомов, сил, стихий, событий, лиц, трудовых актов и т.д.); мысленное „вхождение” в понимаемую лингвокультурную ситуацию; отображение текста на тексте; моделирование труднопознаваемых лингвокультурных ситуаций путем последовательного сведения их к основаниям, связанным с базисом несомненности. Такая реконструкция предполагает представление основных лингвокультурных показателей понимаемого объекта в виде системы семантических признаков; отыскание сходства этой системы с другими объектами; вписывание системы в более широкий контекст с целью выделения инвариантных признаков и переоценки высказываний о постигаемом объекте с точки зрения их включения в определенный тезаурус лингвокультуры; идентификацию объекта в новой лингвокультурной ситуации и сокращение с помощью инвариантных признаков неопределенной части тех обобщений, которым подвергается исходная система семантических признаков. Тем самым с информационной точки зрения понимание предстает как опознание лингвокультурного смысла. При этом эффективность понимания текста зависит от уровня сложности текста и соответствующей ему лингвокультурной ситуации⁷.

⁶ В этой связи показательно признание исследователя древнекитайских текстов В.С. Спирина, касающееся трудностей их понимания, необъяснимых языковыми факторами: „Непонятными или понимаемыми по-разному остаются самые простые с точки зрения лингвистики фразы и отрывки. Семантику слов в конце концов можно выяснить, используя древние словари, определения понятий, встречающиеся довольно часто в текстах, параллельные или аналогичные тексты и т.п. Но и после этого текст остается непонятным, так как мы не улавливаем связи фраз и отрывков. Исследователи вынуждены либо пользоваться комментарием, либо домысливать эту связь. Поскольку понять основания того или иного комментария не менее трудно, чем понять сам текст, а домысливание не основано на каких-либо объективных и формальных критериях, то прочтение получается довольно разнообразным”.

⁷ Сознание человека легко соединяет то, что соединено в предмете/ситуации, хорошо ему известных. Поэтому один и тот же текст – разговорный, художественный, политический, научный – неодинаково воспринимается различными категориями адресатов. В зависимости от профессиональной подготовки, жизненного опыта, уровня и типа культуры одни из них легко восстанавливают эксплицитно невыраженные связи, для других же текст может вообще оказаться непонятным.

6. Особенностью понимания текста является не изменение понимаемого, а адаптация к нему, проникновение не только в типичные, но и в уникальные лингвокультурные ситуации, постижение не только универсальных, но и индивидуальных объектов во всей их неповторимости, во всем характерном для них своеобразии сочетания элементов (ЛК-универсалий) и с учетом многоуровневой систематизации части и целого в лингвокультуре. В этом смысле человек не только рассматривается как субъект или объект интеллектуального действия, но и должен быть понят сам по себе, то есть осознан в его уникальности, во всей той сумме жизненных обстоятельств, которые делают его бытие и судьбу неповторимой. В таком ракурсе понимание является специфичным процессом, отличающимся от познания (познание всегда связано с преобразовательными процедурами) и ориентированным на сохранение «подлинности» понимаемого во всем многообразии случайного и необходимого, внешнего и внутреннего, во всей включенности того, что подлежит пониманию, в конкретность жизненного процесса или другой осознаваемой ситуации. Понимание – форма существования сознания во всей его неповторимости, функциональности, быстротечности.

7. Взаимообусловленность понимания лингвокультурной ситуации осознанием ее универсалий как элементов и понимания универсалий осознанием общей ситуации детерминирует цикличность процесса понимания текста: понять текст можно только выдвигая предварительные схемы его постижения, когда целое и часть утверждаются и достраиваются многократно поступательно-возвратным движением (по схемам повтора). Без такой предварительной общей схемы, картины, допущения, основания, принципа не могут быть поняты части текста, которые заданы как контекстом, так и всем его тезаурусом⁸. Л.М. Баткин пишет: „...Прошлое есть часть некоторого бесконечного и потому неизвестного целого, в которое входят также настоящее и будущее. Объективное содержание прошлого зависит от этого целого, и по мере превращения будущего в настоящее и настоящего в прошлое, по мере разрастания прошлого уточняется смысл его фрагмента”⁹.

Такое возвращение от прошлого к настоящему и от настоящего к прошлому, уточняющее каждый раз понимание этих двух фаз историко-культур-

⁸ В процессе чтения человек, конечно, не строит предпонимание по принципу научной гипотезы (хотя это и не исключается). Предпонимание обычно регулируется традицией, установками (парадигмальными или аксиоматическими), лингвокультурным фоном эпохи. Но реальный человек не смотрит на этот фон, традиции или установки как бы извне, он находится внутри традиции, внутри своей эпохи и ее лингвокультурного фона. Поэтому проверить свое предпонимание он может лишь обращением к анализу частей постигаемого целого, т.е. текста. Однако изучение части непрерывно корректируется контекстом, а проверка предпонимания непрерывно движется от целого к части и наоборот.

⁹ Л.М. Б а т к и н, *Тип культуры как историческая целостность*, „Вопросы философии” 1969, № 9, с. 106.

ного процесса, и образует специфическую цикличность актов воссоздания понимаемых явлений. Она связана также с тем, что интерпретатор сам вписан в историко-культурный процесс, который подлежит осознанию. У него нет в распоряжении надвременных, внеисторических и внекультурных точек или позиций. Его собственная деятельность включена также в культурный, языковой, исторический процесс и сама подлежит определенному осознанию в качестве предмета нового понимания.

Рассматривая эту многоуровневую систему культурно-исторических образований, Ю.М. Лотман пишет, что здесь „идеальной моделью становится триединство, в котором всякое целое есть часть целого более высокого порядка, всякая часть есть целое на более низком уровне”¹⁰. При этом способность части функционировать на одном уровне в качестве целого и любого целого как части на другом уровне создает высокую концентрацию информации и практически неисчерпаемые резервы для нового смыслообразования¹¹. Однако циклическая схема движения процесса понимания является внешней его формой, не разрешающей при этом задачу воссоздания понимаемого лингвокультурного явления; цикличность понимания текста требует интерпретаций.

8. Важнейшими механизмами деятельностного понимания текста выступают поиск объективного смысла текста, реконструкция лингвокультурных смыслов и создание лингвокультурных смыслов, напрямую связанные с феноменом „добавочного смысла”, который может быть заключен в тексте с самого начала (хотя создатель и не подозревал об этом) либо может выявляться на этапе восприятия и понимания текста как новый творческий акт; возможен и третий путь: при неизменности материального тела текста под влиянием каких-либо лингвокультурных факторов (в частности, в процессе своего исторического функционирования) происходит его смысловое обогащение.

Мы можем сказать, – писал М.М. Бахтин, – что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того „великого Шекспира”, какого мы знаем теперь. Втиснуть в Елизаветинскую эпоху нашего Шекспира никак нельзя. О том, что каждая эпоха открывает в великих произведениях прошлого всегда что-то новое, говорил в свое время еще Белинский. Что же, мы примышляем к произведениям Шекспира то, чего в них не было, модернизируем и искажаем его? Модернизации и искажения, конечно, были и будут. Но не за их счет вырос Шекспир. Он вырос за счет того, что было и есть в его произведениях, но что ни сам он, ни его современники не могли осознанно воспринять и оценить в контексте культуры своей эпохи¹².

¹⁰ Ю.М. Л о т м а н, *Мозг – Текст – Культура – Искусственный интеллект*, „Семиотика и информатика” 1981, вып. 17, с. 12.

¹¹ Там же.

¹² М.М. Б а х т и н, *Эстетика словесного творчества*, Москва 1979, с. 331–332; Указание на подобные явления, касающиеся не только художественных, но также философских, исторических и научных текстов, приводит к парадоксальной ситуации, заключающейся в том, что мы можем получать от текста больше, чем он на первый

9. Одним из наиболее значимых аспектов деятельности по пониманию текстов (так и их созданию) является синтез лингвокультурного смысла: автор выбирает из арсенала современной ему лингвокультуры средства и последовательно структурирует свою мысль в сознании актуального или потенциального адресата, синтезируя ее из тех элементов, которыми владеют оба агента этого коммуникативного акта; в свою очередь, адресат создает новые смысловые компоненты, соединяя лингвокультурный смысл, воспринимаемый при знакомстве с текстом, привнесенный извне, из окружающего контекста или отдельных его элементов. В актах восприятия и понимания устанавливаются новые, не предусмотренные автором связи между структурными элементами понимаемого текста и другими текстами, а также изменившимся ситуационным контекстом. Эти связи обеспечивают в сознании читателя синтез нового лингвокультурного смысла, который вводится в текст самим творческим актом понимания. В этом смысле конструирование текста и понимание его – два модуса, две ипостаси одной и той же деятельности: читатель продолжает творческую деятельность автора по синтезированию лингвокультурного смысла¹³.

10. В основе смыслового синтеза лежит связь между синтезируемыми компонентами, базирующаяся на наличии в них общих элементов, которая организует не только внутреннюю целостность текста, но и включенность этого текста в более широкий лингвокультурный контекст. В вербальном тексте лингвокультурный смысл целого строится не только из лексических

взгляд содержит. С одной стороны, стремление к адекватному пониманию предполагает овладение смыслом текста, то есть усвоение той мысли, которую вкладывал в него автор, а не комментаторы, интерпретаторы, критики, хотя, может быть, и с их помощью. Но, с другой стороны, поняв нечто большее, чем сообщил автор, человек тем не менее не чувствует угрызений совести за то, что искажил мысль автора; то есть совершил в какой-то мере подлог содержания текста. Человек полагает, что понял текст верно и не намерен отказываться от того добавочного смысла, который усмотрел в нем, хотя научный анализ убеждает, что такой смысл не может принадлежать создателю произведения.

¹³ Поскольку автор сам, в соответствии со своей волей и замыслом, отбирает материал, из которого последовательно строит все более сложные смысловые единства вплоть до полного воплощения своей идеи в интерсубъективной знаковой форме, поскольку используемые механизмы внутритекстовой связи также подчинены его власти и контролю, он вправе был бы рассчитывать на более или менее однозначную интерпретацию своего произведения подготовленным читателем. Дело обстоит иначе главным образом потому, что в создании смысла целого произведения принимают участие факторы, которые лишь в незначительной степени могут быть учтены автором и в еще меньшей – контролироваться им. Всякий текст, хотя он имеет свои четкие графически, этнически, либо иначе зафиксированные границы, не представляет собой изолированной монады, он тысячами нитей сцеплен с окружающим его миром лингвокультурных смыслов, значений, ценностей, носителями которых выступают как предметные ситуации и действия людей, так и другие тексты.

кирпичиков-значений. В его образовании принимают участие те смысловые блоки, которые ранее были выработаны человеческой деятельностью и закреплены в сознании данной культурной общности за их материальными, предметными носителями, не имеющими знаковой природы. Межтекстовые связи и основанные на них механизмы синтеза являются важным средством формирования лингвокультурного смысла, они создают смысловой эффект подтекста. Причем такие средства межтекстовой связи (единицы лингвокультурного смыслообразования – явные и скрытые цитаты, эпитафии, посвящения, ссылки на труды других авторов или на их идеи, литературные, культурные, исторические реминисценции и аллюзии и т.п.) могут быть сознательно использованы автором для конструирования смысла. В этих случаях учитывать их для правильного восприятия и понимания произведения совершенно необходимо.

Если же обогащение лингвокультурного смысла текста в процессе его трансляции происходит не вследствие работы внутри- и/или межтекстовых структур, а в результате деятельности понимания всех поколений читателей, которые стоят между автором и последним потребителем произведения и благодаря которым осуществлялась его трансляция, предметные смыслы, введенные готовыми извне (в виде образов, дескрипций, знаков, намеков различного рода), имплицитно работают на авторский замысел, становясь элементами того многообразия, которое в результате синтеза вербального и невербального смыслов образует лингвокультурное смысловое единство целого текста и обогащает его новыми культурно-смысловыми аспектами.

11. В свою очередь, сами тексты аккумулируют лингвокультурный смысл, вырабатываемый за его пределами человеческой деятельностью во всех разнообразнейших формах ее проявления. Создатель текста превращает лингвокультурную действительность во всем ее многообразии в текстообразующие факторы, которые своей формальной стороной организуют композиционную структуру произведения, а своим смысловым, содержательным, ценностным аспектом принимают участие в создании его целостного лингвокультурного смысла. Тексты ассимилируют в своем содержании весь массив новых лингвокультурных смыслов, вырабатываемых в конкретных жизненных обстоятельствах, связанных с ними ценностно-целевых установок и оценок, настроений, переживаний и пр. Лингвокультурный смысл, будучи продуктом деятельности, есть то, что позволяет отождествлять и различать предметы, поскольку он включает в себя в качестве своих моментов как объективно-истинное знание, так и субъективную ценность, значимость предмета для каждого конкретного индивида.

Таким образом, понимание как творческая деятельность, воспроизводящая и продолжающая деяния автора по формированию лингвокультурного смысла текста (произведения), обогащающая его новыми смыслами путем соотношения с другими текстами и переосмыслением в новом контексте, ста-

новится моделью созидания, а сам результат понимания – оказывается новым фактом лингвокультуры. Все попытки восстановить лингвокультурный смысл текста в его первоначальной чистоте и нетронутости приводят в конечном счете к возрастанию его информационной емкости: сконструированный лингвокультурный контекст несет на себе отпечаток лингвокультурной ситуации современности и служит проводником ее воздействия на смысл понимаемого текста.